

Они только успели подняться наверх, как по лестнице навстречу им хлынула толпа. Очевидно, кто-то уже успел рассказать остальным о провале в полу.

Эти люди были заперты здесь три дня, окруженные зомби, и их нервы были на пределе. Судя по всему, они уже не раз сцеплялись друг с другом, поэтому многие выглядели избитыми. Нин Цзэ посторонился, позволяя им пронестись мимо. Сейчас лучше было не вставать у них на пути — в таком состоянии они могли и убить.

Когда все ушли, в гостиной воцарился полный хаос. Всюду валялись разорванные упаковки, на полу были разложены импровизированные постели, похожие на нищенские подстилки, а воздух пропитался таким зловонием, что дышать было невозможно.

В углу комнаты Нин Цзэ заметил нечто, связанное в тугой узел. От этой фигуры исходил такой смрад, что даже на расстоянии к горлу подступала тошнота.

Это была Вэнь Цин.

Она сидела с растрепанными волосами, уставившись остекленевшим взглядом в потолок. Лицо — бледное, как бумага, губы потрескались и потеряли всякий цвет. Очевидно, ее подвергли жестоким пыткам...

Это было несправедливо по отношению к ней, но, с другой стороны, она сама никогда не была справедлива к Цзянь Яну. Эти люди относились к ней так же, как она к нему: для нее он был чужаком, которого можно безнаказанно травить, а для них теперь она стала той самой чужачкой, на которую можно свалить все беды. Она издевалась над Цзянь Яном ради забавы, а они мстили ей — если разобраться, ее поступки были куда гаже.

— Ох! Моя Цин-эр! Да чтоб вы сдохли, проклятые твари! — Ян Шуюй влетела в комнату, заливаясь слезами. Зажав нос, она бросилась к Вэнь Цин и принялась судорожно развязывать веревки.

— На самом деле ее особо не трогали, просто связали и бросили здесь, — Е Тяньцзун, спустившийся следом, тихо шепнул Нин Цзэ и Фу Бои.

Связать — это одно, но тот факт, что она не могла сама сходить в туалет, было для любой женщины худшей психологической пыткой.

— Цин-эр, что с тобой? Ответь мне! — Ян Шуюй развязала путы и принялась трясти дочь, но та не реагировала.

Неужели ее довели до безумия? Нин Цзэ не верил. С ее-то амбициями обладать такой слабой психикой? Он нахмурился, наблюдая, как Ян Шуюй, кое-как подхватив дочь, волочет ее в ванную на первом этаже. Услышав шум льющейся воды, он огляделся.

— А где Вэнь Цюань? Где Кэ Вэй?

— Вэнь Цюань воспользовался суматохой и сбежал, ты что, не видел его в толпе? А Кэ Вэй в своей комнате, моется, — Е Тяньцзун с явным отвращением окинул Нин Цзэ взглядом и помахал рукой перед носом, будто тот источал невыносимый смрад.

Нин Цзэ разозлился и отвесил ему увесистый подзатыльник. Е Тяньцзун взвыл, а Нин Цзэ усмехнулся и больше не обращал на него внимания. Он направился в свою комнату. Увидев внутри форменный бардак, он лишь мельком огляделся и юркнул в ванную.

Подумав, он запер дверь. И тут же поймал себя на мысли, что это смешно: надо же, дожил до того, что боится подглядываний или нападения.

Степень извращенности Фу Бои в глазах Нин Цзэ поднялась на новую высоту — теперь он официально считался бесстыдным извращенцем.

Встав под душ, Нин Цзэ позволил горячим струям смывать усталость. Он наслаждался тишиной, размышляя о Вэнь Цюане: сбежал, бросив жену и дочь. Сможет ли такой никчемный, недалекий и ненадежный человек выжить в апокалипсисе? Нин Цзэ уже предвидел его финал. Немного жаль, что не удастся на это посмотреть...

Нин Цзэ развернул свою духовную силу. Радиус в сто метров, час работы — неплохо, хотя для атаки этого все еще было недостаточно. Он увидел забавную картину: Фу Бои наводил порядок в его комнате. Цы, какая хозяйственность. Нин Цзэ почувствовал любопытство и направил духовную силу на Фу Бои. Честно говоря, тот был весьма привлекателен, и Нин Цзэ это признавал. Однако в Фу Бои всегда сквозила эта неистребимая чертовщинка, от которой Нин Цзэ приходил в недоумение. Казалось, он в любой момент мог заявить: Тот человек был скучным, я его убил. Мир скучен, я его уничтожу.

Тело Нин Цзэ привыкло к температуре воды, кожа горела. Он быстро помылся и с ужасом обнаружил, что банного полотенца нет — только куча грязной одежды на полу. А Фу Бои уже бесцеремонно сидел на застеленной кровати, углубившись в какой-то блокнот, и уходить явно не собирался.

Нин Цзэ глянул на свое худощавое, как у скелета, тело и усмехнулся: чего это он так заморачивается? Отбросив лишние мысли, он вышел из ванной. Не обращая внимания на взгляд Фу Бои, он подошел к кровати, сел, взял со столика стакан с водой и залпом выпил все до дна.

Фу Бои не сводил с него глаз. Нин Цзэ все же недооценил степень его извращенности: в глазах Фу Бои даже этот скелет был лакомым кусочком, который хотелось поджарить. Но он умело скрывал это, сохраняя невозмутимое выражение лица.

Нин Цзэ выпил воды, надел приготовленную для него одежду и обернулся к тому, кому

следовало пожелать спокойной ночи.

— Отдыхай, — Фу Бои с каменным лицом поднялся и вышел.

— ...

Это что, полное отсутствие интереса? Такая холодность к худощавому телу? Нин Цзэ был в шоке.

Он ворочался в постели, пытаясь унять сумбур в голове. Но заснуть не получалось.

Все виноват Фу Бои — завел его, вызвал интерес, а теперь делает вид, что ему все равно. Черт возьми!

Фу Бои, дойдя до середины пути, что-то вспомнил и помрачнел. Он почти в ярости вернулся к кровати Нин Цзэ, но, увидев его стройное тело, тонкие кости и узкую талию, которую можно было обхватить одной рукой, внезапно остыл.

— Зачем вернулся? — Нин Цзэ тоже был на взводе. Гордый по натуре, он не выносил, когда с ним играли. Сейчас он был очень, очень зол.

— Где письмо, которое ты обещал написать? — Фу Бои был так счастлив в тот момент, а теперь его переполняла ярость, которую он вынужден был сдерживать.

Хм, с этим вопросом Нин Цзэ почувствовал себя неловко — он не ожидал, что Фу Бои запомнит. Он прищурился, и Фу Бои, видя, как тот пытается придумать оправдание, невольно усмехнулся. Он больше не хотел слов. Схватив Нин Цзэ за лодыжки, он развел их в стороны и посмотрел сверху вниз на человека, который так легко управлял его чувствами. Сейчас ему хотелось лишь одного — жестко взять его, пока тот не начнет молить о пощаде.

Фу Бои разделся прямо на глазах у Нин Цзэ. Его крепкое тело с рельефными мышцами дышало мощью, а холодное лицо делало его властным и сексуальным. Отбросив очки, он уставился на Нин Цзэ узкими глазами, и его тонкие губы сжались в предвкушении.

Нин Цзэ рассмеялся, глядя на это выражение лица — мол, даже если ты не хочешь, я все равно возьму тебя. Он уперся ногой в его пах, слегка надавливая:

— Давай, старайся. Если мне не понравится, больше не проси.

Фу Бои вздрогнул, каждая клетка его тела пришла в возбуждение. Он схватил ногу Нин Цзэ и, поцеловав нежную стопу, прошептал, обжигая дыханием:

— Слушаюсь, мой король.

Нин Цзэ наслаждался тем, как Фу Бои старается ему угодить, и в конце концов полностью отдался ощущениям, позволяя жадным желаниям Фу Бои взять верх. Было чертовски приятно. Нин Цзэ открыл глаза, изучая черты лица Фу Бои, а затем тихо выбрался из кровати, оделся и вышел.

Он не мог уснуть. Выбирая между мстью за Цзянь Яна и Фу Бои, он чувствовал, как его решимость колеблется. У него закралось подозрение: возможно, он был привязан к Ся Мугэ и Цзянь Яну только из-за их ненависти, и если это чувство исчезнет, он будет вынужден уйти.

И уйти против своей воли.

Эта мысль была неприятна. Нин Цзэ откинул волосы со лба и прислонился к перилам, чувствуя себя таким же опустошенным, как и этот зал.

Чтобы все исправить, нужно было, чтобы Вэнь Цин и остальные остались живы, чтобы Цзянь Ян продолжал их ненавидеть. Нин Цзэ просидел так до рассвета, прежде чем тяжело вздохнуть.

Вдруг он инстинктивно развернул духовную силу и увидел Вэнь Цин, стоящую за его спиной босиком. В ее глазах горела такая злоба, что от прежнего безумия не осталось и следа. Она с диким криком бросилась на него, явно желая убить. Нин Цзэ в панике отскочил, и Вэнь Цин, промахнувшись, с криком полетела вниз.

— Бух! — Грохот и вопль разбудили всех. Нин Цзэ, стоя на втором этаже и глядя на лежащую внизу Вэнь Цин, которая харкала кровью, почувствовал глубокую досаду. Он чувствовал, как сломанные ребра пробили ей легкие — она умирала! Только он хотел, чтобы она жила, как она тут же отдала концы. Какая же идиотская судьба!

— А-а! Цин-эр! — Ян Шуюй, проснувшись, в ярости выскочила к лестнице, увидела дочь и, вскрикнув, бросилась вниз.

Как бы ни была зла Ян Шуюй, Вэнь Цин оставалась ее дочерью. Она подняла ее на руки, и, увидев тяжелые раны, почувствовала отчаяние. Глаза наполнились слезами, сердце сжалось от раскаяния. Зачем она вообще сюда пришла? Муж сбежал, дочь при смерти... Даже будучи отъявленной стервой, она не могла вынести такого удара и разрыдалась, полная сожалений.

Возможно, это и есть расплата за ее бессердечие и пренебрежение кровными узами, подумал Нин Цзэ.

Вдруг Вэнь Цин подняла какой-то острый предмет и вонзила его прямо в грудь Ян Шуюй. Ее руки были в крови — то ли своей, то ли материнской. На губах играла злая улыбка, а в глазах

полыхала ненависть.

Ян Шуюй замерла, не в силах пошевелиться. Нин Цзэ был поражен, но вскоре все понял.

Если говорить о ненависти, то Вэнь Цин, вероятно, больше всего ненавидела собственных родителей. Но поскольку они были ее родителями, она ненавидела их и одновременно отчаянно любила. Как бы сложны ни были эти чувства, теперь все было кончено.

Нин Цзэ посмотрел на подошедшего Фу Бои. В его холодном взгляде он уловил нотки нежности, предназначенные только ему, и чувство привязанности стало еще сильнее. В его духовном восприятии он почувствовал, как какая-то невидимая сила вливается в него. Нин Цзэ порывисто обнял Фу Бои за шею, поцеловал его и поспешил в ванную. В глубине души он услышал радостный голос Цзянь Яна:

Злодеи мертвы? Мертвы, мертвы... Они мертвы...

В то же время в голове раздался металлический электронный звук, и все, что он ощущал до этого, исчезло. Перед глазами возникла пустота, в которой парил белый шар размером с футбольный мяч. Голос доносился отовсюду:

Сила мира превышает 600, активация системы согласно исходным настройкам... Активация 5%... 10%...

Нин Цзэ слушал механический отчет, глядя на белый шар. Хотя он не мог объяснить почему, он точно знал, что это и есть система. У него возникло безосновательное, но пугающе знакомое ощущение.

Внутри сферы замелькали символы, складываясь в код, который вращался с огромной скоростью. Шар стал черным, но снаружи начал испускать белый свет, который с каждой секундой становился все ярче, пока наконец не окутал сферу плотным сиянием.

Механический голос стих, и из пространства раздался низкий, приятный мужской голос:

— Давно не виделись, лорд Рафаэль.

Нин Цзэ не знал никакого Рафаэля, но понимал, что обращаются к нему.

— Объясни все с самого начала.

Долгая тишина, а затем — глубокий вздох.

— Похоже, лорду Рафаэлю не удалось восстановить душу, что привело к необратимой потере памяти...

Низкий голос эхом отдавался в пространстве, заставляя Нин Цзэ нахмуриться. Вряд ли кому-то понравится осознать, что часть его жизни стерта. Даже если тебе расскажут, что было, ты будешь сомневаться в правдивости этих слов.

Вокруг Нин Цзэ все изменилось. Он стоял посреди бескрайней туманности. Красивые звезды переливались, как блики на море, создавая завораживающие цвета, а разноцветные облака дымки распускались в космосе, словно прекрасные цветы.

Низкий голос зазвучал снова:

— Это место, где вы выросли, называется Бескрайний Звездный Домен. В нем миллионы человеческих миров и миллиарды звезд. Ваша родная планета называется Планета Нило, или Цветочная Столица. Там круглый год весна, цветы никогда не вянут, это необычайно красивое место. Вашего отца зовут Цзо Юнь, он ведущий эксперт по Оптическим мозгам в космосе. Вы везли его новейшую разработку в Имперскую столицу для демонстрации главам государств. Имперская столица тайно отправила генерала Вэйна за вами, но при прохождении через Звезду Бесита вы попали в засаду.

Картинка сменилась: Нин Цзэ увидел маленький корабль, окруженный бесчисленными мехами. Снаряды со всех сторон били по защитному полю. Вдали висел огромный линкор с символом ярко-красной розы.

Изображение приблизилось, и Нин Цзэ увидел двух людей внутри корабля. Он сразу узнал себя — точнее, Рафаэля. Тот с плотно сжатыми губами холодно наблюдал за ситуацией. Вспышки света отражались в его глазах, полных решимости. Он понимал, что долго они не продержатся...

— Прошу прощения, что не смог доставить вас в Имперскую столицу в безопасности, — высокий мужчина обернулся к Рафаэлю. Его лицо было суровым, а в холодных глазах читалась сложная гамма чувств. Он был военным, и смерть в бою для него была честью, но Рафаэль не был солдатом, поэтому он чувствовал вину.

Враг пригнал целый линкор — значит, у них была точная информация, и они не собирались оставлять никого в живых. Даже спасательные капсулы не дали бы шанса на спасение...

— Генерал, вы согласны заключить со мной Договор Господина и Слуги? — Нин Цзэ увидел, как Рафаэль посмотрел на Вэйна. В его глазах не было лишних эмоций. Он еще не успел понять, что это за договор, как услышал ответ: — Согласен.

Мужчина опустился на колени перед Рафаэлем и дал клятву. Его искренний голос отчетливо отозвался в сердце Нин Цзэ, вызвав странную дрожь. Нин Цзэ понял: этот договор берет

начало в кодексе рыцарей, но он гораздо глубже и обладает высшей силой — это духовный контракт. Он вступает в силу только при полной добровольности клянущегося; малейшее сомнение — и ничего не выйдет.

Мощь этого договора выходила за рамки понимания Нин Цзэ. Казалось, он действительно имеет реальную силу.

Это был договор одностороннего самопожертвования. Кто, кроме самого близкого человека, пошел бы на такое? Нин Цзэ увидел, что Рафаэль не выглядел воодушевленным. Он открыл контейнер, достал белый шар — тот самый, который видел Нин Цзэ, — умело запустил его и начал что-то менять. Нин Цзэ не понимал ни слова в этом коде... впрочем, он и в обычном коде видел только нули и единицы.

Рафаэль вдруг замер и удивленно посмотрел в пустоту. Нин Цзэ ничего там не видел, но, судя по реакции Рафаэля, там что-то было. Рафаэль с изумлением взглянул на Вэйна, и лед в его глазах немного оттаял.

— Я принимаю вашу клятву, — тихо сказал он и вернулся к работе, пальцами быстро перебирая символы в воздухе.

Нин Цзэ это раздражало — он считал Рафаэля слишком холодным. Но когда он увидел, как защитное поле стало прозрачным, он промолчал.

— БУМ! — Защита окончательно рухнула. Бесчисленные снаряды ударили по кораблю, картинка взорвалась, и Нин Цзэ вздрогнул. Он даже увидел, как тела Рафаэля и Вэйна разлетаются на куски.

Затем все сменилось тем, как Нин Цзэ просыпается на больничной койке, уставившись в потолок.

Система продолжала свой рассказ:

— В той битве ваше тело было уничтожено, душа получила тяжелейшие травмы. Согласно вашему приказу, я поместил вас в тело человека с мертвым мозгом, чтобы вы могли восстановиться. Прогноз был — сорок лет. Я активировал резервную систему и ушел в спячку, а теперь, согласно настройкам, проснулся. Однако... не ожидал, что вы снова так рано умрете.

Нин Цзэ был в шоке. Что это за тон, полный разочарования? Ты же железка, чего ты вздыхаешь?! И вообще, он не сам хотел умереть.

— Должен предупредить, лорд Рафаэль: если ваша душа снова получит серьезные повреждения, генерал Вэйн исчезнет навсегда.

Нин Цзэ замер. Вэйн, который был для него чужим, появился перед ним. В голограмме он казался очень высоким, а теперь, паря в воздухе, демонстрировал свою мощь. Нин Цзэ пришлось задрать голову.

Вэйн был без сознания, его лицо — холодным и безжизненным. Каждые несколько секунд от него отделялись крошечные частицы света.

Договор Господина и Слуги — это безусловное самопожертвование, принятие на себя всех ран и защита до последнего вдоха. Если система не лжет, то Вэйн уже как минимум трижды был при смерти, и его состояние было критическим.

— Есть ли способ его вылечить?

— В космосе нет эффективных способов лечения душевных травм. К тому же генерал Вэйн слишком сильно пострадал. Вы можете найти исцеление только в таинственных Производных мирах.

Нин Цзэ не имел ни малейшего понятия, что это за миры. Выслушав объяснение системы, он сделал вывод:

Производные миры — это особые измерения, у них нет физической оболочки, по крайней мере, так считают люди. Но они развиваются, переживают расцвет и упадок. Гибель такого мира страшнее гибели настоящего — он взрывается, образуя в космосе постоянную черную дыру, чего люди допустить не могут.

А этот Оптический мозг перед Нин Цзэ — экспериментальный образец №608, разработанный Цзо Юнем. Он мог переносить сознание человека в Производный мир при его отделении от тела. Изначально он создавался для разведки военными.

Но в итоге вместо военных в мир попал Нин Цзэ.

Военные могли вернуться в свое тело, а у Нин Цзэ тела не было. У него был только выбор: идти в следующий мир или остаться здесь, в пустоте и тьме, с одним лишь Оптическим мозгом и безжизненной душой Вэйна.

— Я могу вернуться в предыдущий мир? — Для Нин Цзэ Производные миры ничем не отличались от настоящего: все, что он видел и трогал, было реальным.

И он никак не мог заставить себя считать, что он — Рафаэль.

<http://bllate.org/book/22533/2379815>